

**СЕРГЕЙ СТАНИСЛАВОВИЧ
ПАШИН** —
доцент кафедры
отечественной истории
исторического факультета,
кандидат исторических наук

УДК 940.1

ШЛЯХТИЧИ ИЗ ПЕРЕМЫШЛЬСКОГО СЕЛА ЗАМОСТЬЕ В XV ВЕКЕ

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена истории нескольких поколений мелких православных шляхтичей из перемышльского села Замостье (в Червоной Руси). Основное внимание уделено поземельным отношениям. На протяжении XV в. наблюдается тенденция к ограничению количества совладельцев села вследствие скупки земельных участков отдельными представителями Замостских. Источники не позволяют говорить о дискриминации владельцев Замостья по конфессиональному и национальному признакам.

On the example of several generations of owners of Peremyshl village Zamost'e the author shows that petty orthodox noblemen had not felt religious and national discrimination in Red Russia (Galicia).

На густонаселенном западе Перемышльской земли в XV в. проживали, главным образом, шляхтичи польского происхождения. Нет ничего удивительного в том, что практически все обитавшие здесь крупные украинские землевладельцы — Сенновские, Дершняки, Бажи, Прохницкие, Боратынские — к моменту распространения на Червоную Русь норм польского права (1435 г.) оказались католиками и явно подвергались интенсивной полонизации. Перемышльские судебные книги (велись с 1436 г.) позволяют установить, что на левобережье Сана владельцы только трех-четырех сел продолжали исповедовать православие. На примере шляхтичей из села Замостье (ныне — Замосце в Польше) мы попытаемся выяснить, какой отпечаток накладывали конфессиональные и национальные различия на положение мелкого перемышльского шляхетства.

Замостье превратилось в частное владение в 70-е годы XIV в.: как следует из разъезжей грамоты 1462 г., его дедичи имели на руках "русский (т. е. — написанный по-русски — С. П.) привилей" князя Владислава Опольского [1], который управлял Червоной Русью в 1372—1378 гг. К середине XV в. сенокосные, рыбные и лесные угодья Замостья простирались по обоим берегам низовьев левого притока Сана реки Радымны (ныне — Рады), а также на правобережье Сана, однако пахотных угодий было немного. Налоговый реестр 1515 г. фиксирует наличие всего 1,75 ланов пашни [2]. Подобная

площадь обрабатываемых земель не могла обеспечить жизнеспособность даже четырех кметских хозяйств. Уже в 30-е годы XV в. шляхетское население Замостья наверняка превышало количество кметов. Закономерным представляется и отсутствие в Замостье привычных для перемышльских сел XV в. мельницы и корчмы: узкий круг клиентуры гарантировал низкую доходность, если не убыточность, этих заведений. Болотистая пойма Радымны оказалась малопригодной для земледелия. Что касается близлежащих возвышенностей, то они "тянули" к граничившим с Замостьем селам Дунковице, Лазы, Заблоце, но в первую очередь — к городу Радымно и его предместью Сколошову. Между владельцами радымно-перемышльскими католическими епископами и шляхтичами из Замостья не раз велись судебные тяжбы по поводу уточнения границ.

В перемышльских земских книгах второй половины 30 — 40-х годов XV в. мелькают имена трех поколений Замостских. Первое поколение представляют Иван (упом. в 1437 г.) и Петр; второе — сыновья Ивана Волчко и Пехно (Петр), племянники Петра Яцко и Иванко (умер в 1445—1456 гг), некий Михно (Михаил), а также Сенко и Яшко. Не исключено, что последние являлись родными братьями Яцка и Иванка. Во всяком случае, сын Яцка Петр в судебной записке от 5 января 1473 г. назван родным племянником Сенка и Яшка [3]. Третье поколение владельцев Замостья пока что ограничено сыном Пехна Миколаем и сыном Яцка Петром.

В указанное время самое прямое отношение к Замостью имели и другие персонажи. В 1436—1439 гг. будущие перемышльские православные владыки братья Иван и Афанасий Бирецкие формально заложили на 6 лет за ничтожную сумму в 6 гривен (стоимость не самого лучшего коня), а фактически — навечно уступили пану Яцко доставшуюся им от матери пятую часть Замостья "со всеми правами и владениями, гаями, водами, потоками, лугами... и рыбными прудами" за Саном и под Сколошовом [4]. В 1445 г. владельцы Мельнова некие Гаврило с сестрами Анной и Насткой продали Иванко принадлежавшую им часть Замостья за 19 гривен [5].

Бездетный представитель первого поколения Замостских Петр в 1441 г. сумел отвести от себя обвинение в принадлежности к непривилегированным королевским слугам [6] и умер в начале 40-х годов.

Упомянутый выше Волчко в 1437 г. был привлечен к суду за убийство своего единове́рца-шляхтича Карпа Лутовенского [7], но своевременно скончался. Его единственная дочь Фемка (Фенна) вышла замуж за перемышльского мещанина Филиппа, а в 1460 г. за 30 гривен продала часть отцовских владений родному дяде Пехно [8], который благодаря этой сделке удвоил стоимость своей доли недвижимости [9]. Мотивация действий пана Пехна вполне понятна. Ему следовало обеспечить будущее сына Миколая: тот уже в 1436 г. был совершеннолетним [10].

К 1462 г. дедичами Замостья считались 5 представителей второго поколения Замостских, дети Яцка Петр и Ванько, а также Семко — сын покойного Иванка. Совладельцы Замостья жили довольно дружно: они сообща выступают при разрешении граничных споров с соседями, время от времени ссужают друг другу деньги, однако с уходом из жизни второго поколения отношения между родственниками приобретают иной характер. Большинство Замостских не имело своих кметов и влачило полунищенское, унижительное для шляхтичей существование. Материальные трудности, скученность проживания, зависть к более удачно устроившемуся родственнику порождали всевозможные коллизии. Порою банальные имущественные тяжбы перерастают в кровавые столкновения. В 1482 г. дедич части Замостья Ванько —

сын Сенка, Яшка или Михна, недовольный решением земского суда, вместе с пятью сообщниками напал на Петра и "охромил" тому правую руку. Ранения получили и два кмета покалеченного шляхтича [11].

Жестоко пострадавший сын Яцка Замостского Петр — фигура весьма примечательная среди совладельцев Замостья. Судя по всему, это был рачительный хозяин, у которого водились деньги и который знал, на что их потратить. Для пана Петра смыслом жизни стало собирание земель в скромных масштабах родного села. В 1472 г. Петр приобретает за 40 гривен у двоюродного брата Семка всю его долю Замостья "с лесом и лугами за замком Радымно и рекой Сан" до границ села Дунковице [12]. Год спустя дядя Петра Сенко и Яшко, имея 80-гривенный долг, заложили племяннику все свои угодья в Замостье [13]. В 70-е годы Петр держит в закладе и часть владений дяди Пехна [14].

Вкладывая деньги в недвижимость, наш герой крайне скуп в отношении других расходов: два с половиной года добивалась вдова его бездетного брата Ванька выплаты причитающейся ей суммы и в конце концов умерила свои претензии с 30 до 10 гривен [15]. Большую щедрость проявил Петр к своей дочери Машке, которая, выйдя в 1490 г. замуж за шляхтича Кузьму Копыстенского, получила 20 гривен приданого [16]. После смерти бездетной Машки ее братья три года добивались возвращения в семью 20 гривен. Цель была достигнута летом 1501 г. [17], а деньги вскоре пошли на обеспечение приданого второй сестры Замостских Анны — жены солтыса перемышльского села Макова шляхтича Федора [18]. Анна и, вероятно, младшие сыновья Петра родились от его второй жены Доброхны — дочери мелкого православного шляхтича Яцка Блажевского с Самборщины [19]. Родом из этого же повета будет невеста старшего сына Петра Настасья Корналовская [20].

Последним приобретением Петра стала покупка в 1491 г. участка земли за 23 гривны у некоего Андрея. Андрей продал "всю свою часть" Замостья "с согласия своих братьев, а именно Венцеслава" (?), предварительно известив Миколая-"сестренца", сына Миколая [21]. Являлся ли Миколай внуком Пехна Замостского — остается загадкой. Зато достоверно известно, что в 1494 г. он продал за 40 гривен отцовские владения сыновьям Петра Игнату, Матфею, Олехно и Васко [22] — те оказались достойными продолжателями дела своего отца. Братья располагают средствами и готовы вложить деньги в недвижимость, но желающих расстаться со своими лоскутами земли уже не находится. Значительная часть Замостья принадлежит некоему Станиславу: тот в 1496 г. закладывает Игнату за 80 гривен лишь половину своих замостских угодий [23]. С сестрой этого Станислава [24] Маргаритой-Машей связан конфликт, случившийся еще при жизни Петра. В 1490 г. сын Петра Игнат, встретив женщину на дороге из Радымно в Замостье, поступил с ней не очень деликатно: попросту сильно избил ее, нанеся четыре "синие" и одну "кровавую" раны. Петру пришлось тогда раскошелиться на крупный штраф [25].

В первой половине 90-х годов, кроме Станислава и Маргариты, небольшим участком в Замостье владеет какой-то Петр. В 1495 г. он заложил Игнату за 7 гривен четверть всех своих земель [26]. Наконец, нет никаких указаний на то, что отказался от принадлежавших ему лугов и полей Венцеслав (Вацлав). В 1478 г. брат Андрея, несомненно, обитал в Замостье, поскольку сделал 30-гривенную запись не только на угодьях, но и на дворе, в котором собирался проживать вместе с молодой женой Доротеей [27]. Круг совладельцев Замостья, возможно, был и шире, однако они предпочли

переехать за пределы Замостья. Шляхтичи вроде Семка, Андрея и Миколая, распродав свои земли, перестали быть Замостскими, и нет никакой возможности проследить их дальнейшую судьбу.

После 1496 г. в протоколах земских и городских судов упоминаются только неделимые дедичи Игнат, Матфей, Олехно и Васко. В 1499 г. братья с большой выгодой для себя получили в держание под залог 95 гривен заложенное королевское имение Мальнов с 10 ланами пахотной земли: заемщик Михаил Кшечовский крайне нуждался в деньгах для выкупа из турецкого плена родного брата Яна [28]. Весной 1501 г. освобожденный Ян Кшечовский занял у братьев еще 20 гривен [29]. Если верить судебным книгам, все деньги были возвращены Замостским год спустя. С королевского согласия Мальнов выкупил перемышльский ловчий Добеслав Хмелецкий [30]. Впрочем, какая-то часть села оставалась в держании Замостских. В 1508 г. возглавивший семейный клан после смерти старшего брата Матфей платит полторы гривны и 6 грошей налогов как с Замостья, так и с Мальнова [31]. 3/4 гривны — максимум того, что могут получить королевские сборщики в Замостье; остальные 7/8 гривны должны приходиться на Мальнов, где норма налогообложения доходит до трех гривен [32].

Семейство Замостских в скором будущем ожидают нелегкие времена: возмужавшие братья захотят жениться и завести детей, на повестку дня вновь будет поставлен вопрос о семейном разделе, и еще неизвестно, к каким последствиям приведут имущественные споры. В одном можно не сомневаться: несмотря на свои карликовые владения, Замостские все равно останутся нобильями, и едва ли кто-либо рискнет оспаривать их принадлежность к шляхетскому сословию.

Повседневная жизнь нескольких поколений Замостских протекает в узких границах Замостья, однако не стоит считать их домоседами, которых не интересует, что творится в мире за пределами родного села. Наезженная дорога вела из Замостья в соседний город Радымно. Шляхтичи регулярно совершали поездки за 20 км в "столичный" Перемышль — хотя бы потому, что все сделки по купле-продаже и закладу земель, брачные контракты и т. п. следовало внести в земские книги. Думается, именно в Перемышле происходили встречи Замостских со шляхтичами-единоверцами с Карпатских предгорий Самборщины и Верхнего Посанья: границы познаваемого ими мира раздвигались еще на 40 — 50 км. Заслуживает внимания и то обстоятельство, что мелкие православные землевладельцы не были исключены из процесса общественной жизни Перемышльской земли; во второй половине XV — начале XVI в. Миколай, Петр, Игнат Замостские неоднократно принимали участие в качестве ассессоров в заседаниях земских судов [33]. Корпоративные интересы шляхетского сословия, способствовавшие утверждению в Польше XVI в. понятия "шляхетской нации" [34], отодвигали на второй план конфессиональные и национальные различия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Akta grodzkie i ziemskie (далее-AGZ). We Lwowie, 1880. T. 8. № 90. S. 150-151.
2. Zrodla dziejowe. Warszawa, 1902. Cz. 1. S. 132.
3. AGZ. We Lwowie, 1903. T. 18. № 382. S. 58.
4. Ibid. We Lwowie, 1888. T. 13. № 108, 1121. S. 16, 81.
5. Ibid. № 2512. S. 179. См. также: Ibid. № 2252, 2276. S. 160, 162.
6. Ibid. № 1478. S. 103.
7. Ibid. № 658. S. 51.
8. Ibid. № 4451-4452. S. 337.
9. Ibid. № 1527. S. 107.

10. Ibid. № 2771. S. 200.
11. Ibid. T. 18. № 1636-1637, 1650, 1675-1676. S. 238, 240-242.
12. Ibid. № 284. S. 40; We Lwowie, 1873. T. 4. № 108. S. 190-191.
13. Ibid. T. 18. № 382. S. 58.
14. Ibid. № 425, 1042. S. 64, 157.
15. Ibid. № 573, 778, 930, S. 86, 134, 142.
16. Ibid. № 1947. S. 287.
17. Ibid. № 2650, 2945. S. 391-392, 430.
18. Ibid. № 3067-3068. S. 442.
19. Ibid. № 1184. S. 178 (1479 r.).
20. Ibid. № 3012. S. 437.
21. Ibid. № 2169. S. 318.
22. Ibid. № 2338. S. 341.
23. Ibid. № 2553. S. 377-378.
24. Ibid. № 2554. S. 378.
25. Ibid. We Lwowie, 1901. T. 17. № 2305. S. 263.
26. Ibid. T. 18. № 2477. S. 364.
27. Ibid. № 1043. S. 157.
28. Ibid. We Lwowie, 1906. T. 19. № 619. S. 118.
29. Ibid. T. 18. № 2900. S. 424.
30. Ibid. № 2963, 2981. S. 431, 434.
31. Zrodla dziejowe. T. 18. Cz. 1. S. 112.
32. Ibid. S. 132, 134.
33. AGZ. T. 13. S. 487; T. 18. S. 68, 74, 214, 422, 474, 488, 594.
34. Бардах Ю., Леснодорский Б., Пиетрчак М. История государства и права Польши. М., 1980. С. 185.

**СЕРГЕЙ ВИТАЛЬЕВИЧ
КОНДРАТЬЕВ —**
декан исторического факультета,
доктор исторических наук

УДК 940.1

СВОБОДА ПОДДАННЫХ И КОРОЛЕВСКАЯ ПРЕРОГАТИВА В ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ ДОКТРИНЕ ПРЕДРЕВОЛЮЦИОННОЙ АНГЛИИ

АННОТАЦИЯ. Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы представить основные трактовки свободы и собственности в предреволюционной Англии. Современники давали различные интерпретации этим терминам. Автор статьи стремится их проанализировать.

The purpose of this paper is to describe the main meanings of liberty (freedom) and property in pre-revolutionary England. Contemporaries used these termes in a variety ways. And the author gives the analysis of them.